

Л.М. Артамонова

Г.Н. ПОТАНИН – ПЕДАГОГ, КРАЕВЕД, ПИСАТЕЛЬ, МЕМУАРИСТ

Деятельность и труды Гавриила (Гаврилы) Никитича Потанина (1823-1910) в сфере культуры, образования, науки Самарского края остаются неоцененными и почти забытыми, хотя его имя звучит в отдельных работах литературоведов и краеведов. Чаще всего он упоминается в связи с Н.А. Некрасовым, чьим сотрудником он одно время являлся и чьим биографом выступал в своих воспоминаниях. Однако в окружении великого русского поэта, где было немало людей, неординарных своими судьбами и талантами, Г.Н. Потанин особого внимания не привлекал. Для некрасоведов он был интересен не столько как самостоятельный деятель культуры, сколько как мемуарист, отразивший отдельные стороны жизни и творчества Н.А. Некрасова, а также И.А. Гончарова, Д.Д. Минаева и других современников. В истории русской литературы XIX века он оставался в целом одним из «малоизвестных писателей»¹.

О пребывании и учительском труде Потанина в Самаре упоминали немногие краеведы (А.И. Носков, Р.П. Поддубная), использовавшие, кроме малочисленных опубликованных о нем сведений, архивные источники из фонда 360 «Дирекция народных училищ Самарской губернии» Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО). При этом полтора века оставались невостробованными исторические, фольклорные, лингвистические записи и труды, дневники и письма Потанина, которые, в отличие от его мемуаров и беллетристики, не опубликованы до сих пор. Только некоторые специалисты работали с отдельными из этих материалов в Санкт-Петербурге в рукописных и архивных отделах Института русской литературы РАН - Пушкинского Дома (РО ИРЛИ), Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Русского географического общества (НА РГО), а также Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (ОРРК НБЛ КФУ). Наряду с работой по выявлению творческого наследия Потанина в перечисленных хранилищах неизвестные или неясные стороны его биографии приходится восстанавливать с помощью фондов еще двух архивов – Российского государственного исторического (РГИА) в Санкт-Петербурге и Национального архива Республики Татарстан (НАРТ) в Казани.

В частности, неопубликованные материалы позволили точно установить происхождение Г.Н. Потанина. О нем в самарском краеведении то говорилось неопределенно, как о выходе из «бедной семьи»², то ошибочно выводилась его родословная «из семьи мещан»³. На самом же деле он родился в Симбирске в семье дворового человека Никиты Михайловича Потанина, принадлежавшего помещику Мельгунову и исполнявшего при барине обязанности старшего слуги: «...Молодая барыня звала его «Мажордом», барин – «дворецким»». В «Curriculum vitae» (автобиографии) Потанин, уже состоявшийся как писатель, образно пишет о своем первом крике после рождения, случившегося 9 (21) июля 1823 г., так: «Крик этот был, верно, от того, что ребенок с первого мгновенья жизни почувствовал, что такое «раб» и в ужасе закричал»⁴.

Раны крепостничества, нанесенные пережитым в детстве позором и страхом холопства, не зажили всю жизнь. Наверное, именно поэтому Потанин всегда остро переживал несправедливость или унижение человеческого достоинства, особенно, если они проистекали из социального неравенства. Точное указание на крепостное происхождение позволяет объяснить многие его поступки в будущем и их мотивы.

Будучи еще ребенком, Г.Н. Потанин был отпущен на волю в награду за службу отца. Этот драматичный и трагичный эпизод, когда помещик поставил своего крепостного перед жестоким выбором, кого из детей (только одного!) сделать свободным, а кого оставить бесправным холопом, воспроизведен на страницах потанинской прозы, носящей автобиографический характер, в романе «Старое старится, молодое растет». Ю.Н. Смирнов высказал обоснованное предположение на основании не сохранившихся, но упомянутых в архивных делах документов, что 13-летний вольноотпущенный подросток получил «Свидетельство о рождении и крещении его, выданное из Симбирской духовной консистории 28 августа 1836 года» для официального оформления его перехода из крепостного состояния в мещанское сословие. Это, в частности, давало право на обучение в гимназии. Через 9 лет Потанин завершил обучение в ней, что подтверждало «Свидетельство об окончании им полного курса в Симбирской гимназии 9 июля 1845 года», а «Увольнительный вид от городского общества 24 июля 1845 года» давал право молодому человеку выйти из мещанского сословия и поступить на казенную службу⁵.

Отметим благожелательное отношение земляков к Потанину. Было непросто «уволиться» из сословия, к которому человек был приписан, ведь мещане могли не отпустить тех, «за кого пришлось бы платить их долю податей»⁶.

Таким образом, Потанин воспользовался представившимися ему возможностями вольного человека, прежде всего, чтобы получить гимназическое образование. Таланты, знания, педагогические способности юноши были замечены. Он был приглашен домашним учителем в известные не только в Симбирске, но и во всей России литературные семьи Минаевых и Гончаровых. О расположении

образованных людей Симбирска к Потанину говорит следующий факт. Родная сестра писателя И.А. Гончарова А.А. Кирманова, с детьми которой занимался Потанин, и брат писателя Н.А. Гончаров, гимназический учитель Потанина, представили и рекомендовали с лучшей стороны молодого человека знаменитому родственнику, приехавшему в Симбирск⁷. Такой круг общения не мог не способствовать развитию у него интереса к литературе, к творчеству.

Однако, в первую очередь, ему надо было обеспечить себя постоянным заработком. Он стал хлопотать о должности в казенном учебном заведении, выдержав надлежащие испытания и заручившись поддержкой училищного начальства, включая Н.И. Лобачевского. Великий математик являлся тогда ректором Казанского университета и управляющим Казанским учебным округом. 31 октября 1847 г. Потанин приступил к работе как учитель русского языка в уездном училище Самары⁸, которая находилась до 1 января 1851 г. в составе Симбирской губернии⁹.

Благодаря школьным реформам Николая I во второй четверти XIX в. общественный статус учителя заметно вырос¹⁰. Педагогическая работа стала более привлекательной для выходцев из разных сословий, не говоря уже о неимущем вольноотпущеннике. Оплата труда преподавателей школ, подведомственных Министерству народного просвещения, по учебному уставу 1828 года была увеличена в 2-3 раза по сравнению с уставом 1804 года, принятом еще при Александре I. Все учителя таких школ, включая уездные и приходские училища, получали права государственных служащих, а по выходе в отставку обеспечивались пенсией¹¹. Для Потанина эта служба и карьера была тем более привлекательной, так как соответствовала его жизненным предпочтениям, духовным запросам и складу характера.

Молодой педагог отличался не только профессиональными знаниями, но и интересом к наукам, эрудицией. В 1853 г. по поручению А.П. Пономарева, директора народных училищ новой Самарской губернии, которая была образована в 1851 г., он включился в сбор этнографических и краеведческих материалов для Русского Географического общества¹². Первым опытом его ученых занятий стал сборник мордовских слов и заметок об этом народе. В 1854 г. уже самостоятельно он подготовил и отослал в РГО работы, посвященные истории, быту, нравам, фольклору Самары. Две самые объемные рукописи, «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары», сохранились в архиве, но остались неопубликованными¹³. Данное обстоятельство вовсе не свидетельствует о пренебрежении к рукописям Потанина со стороны ученых или самого РГО, издания которого просто не могли растиражировать весь поток поступавшей в него информации с мест. Из материалов, присланных в РГО в 1840-1850-е гг., не было напечатано почти ничего относящегося к Самарскому региону¹⁴. Лишь некоторые из них появились в сокращенном виде в местной печати¹⁵. Введение этих материалов в научный оборот стало делом позднейших исследователей. Оно продолжается по сей день, о чем свидетельствуют публикации самого последнего времени¹⁶.

Еще не очень знакомый город привлекал бывшего крепостного, чудом избавившегося от холопства, прежде всего, духом свободы. Потанин подметил: самарские старожилы любят утверждать, что все они являются потомками или мятежных стрельцов, или просто беглых, пришедших сюда за волей. Как исследователь, он считал это преувеличением, справедливо указывая на наличие в первоначальном населении города значительного числа служилых и других людей, вовсе не сосланных сюда и ни от кого здесь не скрывавшихся¹⁷. Тем не менее, нарочитое подчеркивание исконного вольнолюбия и самостоятельности самарских жителей и их предков ему, выходцу с крепостнического Симбирского Правобережья, вполне импонировало. Прежний дворовый мальчик испытывал настоящую гордость от того, что он теперь свободный человек, живущий среди свободных людей.

Впрочем, далеко не все в рассказах самарских жителей о поисках воли было преувеличением. Это касалось не только прошлого, но и настоящего времени. На волжских судах, городских пристанях, окрестных полях среди работников, предпринимателей, торговцев было немало пришлых без обязательных паспортов, между которыми скрывались и просто беглые. Это происходило при помощи местных жителей и часто при попустительстве властей¹⁸. Хотя в газетах постоянно печатались объявления о задержании в Заволжье беглых¹⁹, но число их оставалось значительным. Так, в 1846 г. по некоторым данным (конечно, непроверенным) в Самаре скрывалось более 500 чел. беглых²⁰. В 1847 г., когда Потанин приехал в Самару, городским головой здесь во второй раз был избран Ф.С. Плотников (первый раз это случилось в 1841 г., третий случай произойдет в 1853 г.)²¹. Этот богатый купец был когда-то бугурусланским крестьянином, сбежавшим в 1810-е гг. в Самару от рекрутского набора. Его, несмотря на требования высших руководителей Оренбургской и Симбирской губерний, так и не выдала городская община, приняв в мещанство²². Вполне возможно, что среди тех, кто сделал это, были и старожилы из самарских купцов и мещан, с кем общался Потанин, собирая материалы для своих трудов. Впрочем, в официальном некрологе Ф.С. Плотникова, в единственной тогда самарской газете, о его действительном происхождении и перипетиях борьбы за волю с помощью самарских родственников, друзей, сограждан, разумеется, умалчивалось²³.

Развитие образования в Самарском Поволжье тоже «способствовало» беглецам. Изготовление для них фальшивых паспортов стало настоящим промыслом у местных грамотеев²⁴.

В 1856 г. Потанина назначили штатным смотрителем уездного училища. На новой должности надо

было проявлять не только педагогические и организаторские способности, но и «административную грацию», особенно в отношении начальства, в чем новый руководитель не преуспел. В 1858 г. Потанин был переведен из губернского города в уездное училище «захолустной» Бугульмы, а в декабре 1859 г. вовсе отставлен от службы²⁵. Он с горечью писал: «Я самые лучшие годы посвятил Отечеству и за это [...] меня ждет позор, нищета и страдания моего семейства»²⁶.

Лишившись работы и средств существования, Потанин отправился в Петербург. Там расцветала «гласность» первых лет александровского царствования, в условиях которой жертва бюрократического произвола могла найти помощь. Потанин получил поддержку в цитадели свободной мысли и демократического движения – журнале «Современник» и лично у Некрасова.

Официально в отставке Потанина не было политической подоплеки, а наказали его, якобы, за должностные проступки²⁷. Сам Потанин иначе объяснял причины обрушившегося на него начальственного гнева, раскрывая при этом важные стороны своего характера и мировоззрения. В разное время и в различных обстоятельствах он изложил несколько версий происшествия в Самаре. Выделим основные. Одна содержится в самом известном мемуарном произведении Потанина «Воспоминания о Н.А. Некрасове» и сводится к тому, что губернатор-самодур, немец по происхождению, невзлюбил штатного смотрителя за то, что он в праздничные дни вместо обязательного визита к начальнику губернии предпочитал посещать с учениками службы в храме²⁸.

Исследователи жизни и творчества Н.А. Некрасова, для которых мемуары Потанина являются важным источником, тем не менее, предпочитают игнорировать такое объяснение. Оно плохо вяжется с привычным образом представителя «некрасовского окружения», который непременно во всем должен проявлять свободомыслие, в том числе в вопросах религии. Литературоведы предпочитают утверждать, что Потанин стал жертвой преследования за сатиру в адрес губернского начальства²⁹. Да и сам Некрасов после знакомства с бывшим штатным смотрителем писал Н.А. Добролюбову о гонениях на Потанина за «сатиру на местные власти»³⁰. «Пострадавший за правду» провинциальный интеллигент, судя по всему, дал лидерам идейной демократической оппозиции именно такое объяснение случившегося, которое от него, как он догадался, и ждали.

По нашему мнению, обе версии конфликта губернатора и штатного смотрителя не противоречат, а дополняют друг друга. Трудно теперь судить, насколько они точны с фактической стороны, но повод для такого конфликта мог быть действительно не один. Эти, казалось бы, противоречивые объяснения на самом деле вполне соответствуют неоднозначной личности Потанина. По общественным убеждениям он, несомненно, был демократом-разночинцем, болезненно реагирующим на чиновный произвол и социальную несправедливость, а по религиозным взглядам – глубоко верующим православным человеком, который считал, что «религия есть и основной камень, на котором зиждется все благосостояние человека»³¹. Обе эти стороны его натуры нашли отражение во взглядах Потанина.

Как бы то ни было, в 1861 г. Некрасов оказал Потанину помощь деньгами, расписку о получении которых тот хранил до конца жизни³². Он же помог учителю вновь получить работу по специальности, а самое главное – начал публиковать в «Современнике» роман Потанина³³. Сам автор предполагал назвать этот роман «Крепостное право». По цензурным и иным соображениям Некрасов предложил для него свое название «Старое старится, молодое растет». По поводу названия Потанин спорить не стал, но слишком тесная опека Некрасова, требовавшего поменять сюжетную линию и строже обозначить идейное звучание произведения, начала его вскоре стеснять. Впрочем, проблемы начались и у самого «Современника». Публикация романа прервалась.

Критический задел романа, выношенный автором и усиленный сотрудничеством в «Современнике», оказался востребованным в более радикальных изданиях. В 1864–1865 гг. эпизоды и главы своего романа Потанин продолжил печатать при поддержке критика и публициста Д.И. Писарева в журнале «Русское слово»³⁴, считавшемся рупором русского нигилизма. Все же роман так и остался незаконченным, как в связи с отходом властей от прежнего либерального курса и ужесточением цензуры, так и по неумению или нежеланию автора завершить это произведение в навязанном Некрасовым и Писаревым ключе.

Дело в том, что сотрудничая в изданиях «шестидесятников» и «нигилистов», Потанин по ряду вопросов вовсе не разделял либеральных или радикальных взглядов. Так, он оставался приверженцем православия, национальных традиций, русского патриотизма. Всё это вполне сочеталось с его демократическими убеждениями и некоторыми оппозиционными настроениями.

Заккрытие «Русского слова» лишило Потанина литературных заработков, не смог он удержаться и на работе в столичных учебных заведениях. В 1866–1870 гг. он служил в народных училищах Витебской губернии, но был вновь уволен, на этот раз – прямо за политическую неблагонадежность и без возможности получить работу по училищному ведомству. Вновь оставшемуся без средств Потанину на помощь пришли М.Е. Салтыков-Щедрин и другие писатели, добившись для него денежного пособия из Литфонда³⁵.

В 1871 г. Потанин поселился в Симбирске. В том же году последний раз было опубликовано в литературном журнале его художественное произведение (как всегда автобиографическое) – повесть

«Штатный смотритель»³⁶. В большую литературу он не вернулся, но оставался известным читателям благодаря публикациям о русских писателях, с которыми Потанин был знаком.

Сотрудник журнала «Исторический вестник» И.П. Ювачев, бывший террорист-народоволец, религиозный мыслитель и отец писателя Даниила Хармса, убедил Потанина, бывшего уже в преклонных годах, предоставить самые известные из его воспоминаний об И.А. Гончарове и Н.А. Некрасове. Ювачев написал и очерк-некролог о Потанине³⁷, который умер 17 (30) декабря 1910 г. в родном Симбирске в возрасте 87 лет. Попытки его самого, а затем родственников и наследников переиздать написанные им произведения или опубликовать неизданное не вызвали интереса у издателей, однако привели к упорядочению и последующему сохранению его рукописного наследия, дневников, переписки.

Источниковедческие³⁸ и историографические³⁹ обзоры показывают, что сочинения Потанина из архива РГО не имеют аналогов, по крайней мере, для поволжских городов. Анализируя эти рукописи, следует обратить внимание на его оригинальные исторические воззрения и весьма перспективный даже с позиций современной науки исследовательский метод. Очевидно, что труды Потанина о Самаре представляют собой один из первых в России опытов истории повседневности. Причем в основу исследования была положена традиционная устная история, культивируемая среди купцов и мещан. Благодаря записям, весьма квалифицированно сделанным самарским учителем, провинциальные горожане перестали быть «молчаливым» или «безмолвным большинством» в историографии середины XIX в.⁴⁰

Чистоту воспроизведения Потаниным устной традиции в сочинениях для РГО и доказательство неиспользования им предшествующих публикаций по истории Самары подчеркивает следующее обстоятельство. Спустя более четверти века после отправки своих рукописей в РГО Потанин в июле 1881 г. поделился в переписке впечатлениями от знакомства с сочинениями П.И. Рычкова⁴¹. В них впервые в науке и наиболее полно в историографии XVIII – середины XIX в. излагалась ранняя история Самарского Заволжья⁴². Теперь нет сомнений в том, что своеобразные варианты самарского предания о путешествии по Волге Алексия, Митрополита Московского, у Потанина имеют аутентичное устное происхождение. Они никак не могут являться заимствованием и переделкой более раннего текста, опубликованного Рычковым⁴³. Нет никакой литературной основы и у рассказов Потанина и его собеседников-старожилов о пугачевцах в Самаре, иначе в них тоже проявились бы следы рычковских записок о восстании 1773-1775 гг. и их изложения А.С. Пушкиным в «Истории Пугачева». Таким образом, два ключевых момента истории Самары, какими Потанин вслед за ее жителями считал пребывание на ее будущем месте святого Алексия и Пугачевщину, излагаются и оцениваются в рукописях РГО в полном соответствии с традиционным восприятием прошлого местными купцами и мещанами. Эти два момента соединены в предании о спасении жителей, благодаря заступничеству небесного покровителя города, от расправы карателей после поражения пугачевцев⁴⁴, на сторону которых в Самаре перешли все, включая обычных горожан, должностных лиц местных органов управления и военнослужащих⁴⁵.

У Потанина сложилась своя концепция локальной истории. Она внешне близка к формуле «православие, самодержавие, народность», но акценты в ней были расставлены своеобразно. Заметен очевидный упор на «народность» и «православие» при умолчании о роли «самодержавия». О верховной власти Потанин с собеседниками почти ничего не говорил, а местную администрацию и полицию он и его информаторы изображали довольно нелюбезно⁴⁶.

Пристальное внимание Потанина к каждому слову своих информаторов, к точной фиксации их рассказов ставит его выше стереотипов, сложившихся в публицистике и литературе XIX в. В результате в «образованном обществе», к сожалению, сложился стандартный образ провинциального города, в котором жизнь удручает однообразием и не дает пищи для ума⁴⁷.

Взятые в совокупности дела, взгляды и сочинения Г.Н. Потанина рисуют весьма яркую, интересную и своеобразную личность. Его присутствие среди тех, кто был достаточно близок к Н.А. Некрасову и редакции «Современника», показывает наличие в этом кругу людей, представлявших более широкий диапазон социальных и мировоззренческих представлений, чем принято было обычно считать. Потанин предстает вполне самостоятельной и оригинальной фигурой в русской исторической, общественной и художественной мысли XIX века – «золотого века» русской культуры.

Примечания:

¹ Селиванов К.А. Русские писатели в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1953. С. 132.

² Поддубная Р.П. Роль интеллигенции Самарской губернии в развитии просвещения и культуры в 50-60-е гг. XIX в. // Гротовские чтения: материалы III Межрегион. науч.-прак. конф. Самара, 2013. С. 38.

³ Носков А.И. Прикосновение к прошлому: ист.-лит. поиски и находки самарского краеведа. Самара, 2006. С. 309.

⁴ ОР РНБ. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1275. Л. 260.

⁵ Смирнов Ю.Н. Г.Н. Потанин в культурном пространстве дореформенной Самары // Модернизация

- культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: материалы II Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. Ч. 2. Самара, 2014. С. 152-161.
- ⁶ Хвостова И.А. Народное образование как одно из направлений государственной политики в первой половине XIX в. (по материалам Нижегородской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9(35). Ч. II. С. 200.
- ⁷ Потанин Г.Н. Воспоминания об И.А. Гончарове // И.А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969. С. 34.
- ⁸ ЦГАСО. Ф. 360. Оп. 5. Д. 50. Л. 4, 7 и об., 18.
- ⁹ Смирнов Ю.Н. Переустройство юго-восточных губерний дореформенной России в процессе их освоения // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. М., 2013. № 3. С. 331-336.
- ¹⁰ Бирюкова А.Б. Социокультурный облик образовательных учреждений провинциальных городов дореформенной России (по материалам Среднего Поволжья) // Наука и культура России. Материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Самара, 2011. С. 18.
- ¹¹ Дашкевич Л.А. Школа в социокультурной среде уральского города конца XVIII - первой половины XIX века // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2006. Т. 45. № 20. С. 214.
- ¹² ОР РНБ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 8. Л. 1-2.
- ¹³ НА РГО. Р. № 34. Д. 15, 19.
- ¹⁴ Смирнов Ю.Н. Материалы о самарском крестьянстве дореформенной эпохи в Русском географическом обществе и их авторы // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8.2 (109). С. 66.
- ¹⁵ Воронов Н.В. Самарский уезд // Самарские губернские ведомости. 1857. № 20-23. Часть неофиц.
- ¹⁶ Смирнов Ю.Н. Жители провинциального города. Самарские рукописи РГО // Центр и периферия. 2014. № 1. С. 12-21.
- ¹⁷ НА РГО. Р. № 34. Д. 15. Л. 14об.-15.
- ¹⁸ Смирнов Ю.Н. Легализация беглых и самовольных переселенцев в ходе колонизации юго-востока Европейской России в XVIII – первой половине XIX в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. М., 2011. № 2. С. 194-195.
- ¹⁹ Симбирские губернские ведомости. 1839. № 6. 10 февраля; № 9. 3 марта и др.
- ²⁰ Смирнов Ю.Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья (XVIII - середина XIX вв.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1999. С. 387.
- ²¹ Шерстнева Г.С., Михеева А.В. Городской голова Федор Семенович Плотников // Самарский земский сборник. 2007. № 2. С. 34.
- ²² Смирнов Ю.Н. «Юрьев день» губернского масштаба. Отмена проверки паспортов в Самаре в начале 1850-х гг. // Центр и периферия. 2012. № 1. С. 5.
- ²³ Самарские губернские ведомости. 1857. № 41. 12 октября.
- ²⁴ Смирнов Ю.Н. Беглые и состояние паспортного режима в дореформенной Самаре // Краеведческие записки. Вып. IX. Самара, 2000. С. 47-52.
- ²⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 48. Д. 73. Л. 20-21.
- ²⁶ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7445. Л. 43 об.
- ²⁷ Артамонова Л.М. Просветительская деятельность самарского губернатора К.К. Грота: столичный чиновник в культурном пространстве провинции // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (19). С. 158.
- ²⁸ Потанин Г.Н. Воспоминания о Н.А. Некрасове // Исторический вестник. 1905. № 2. С. 458.
- ²⁹ Краснов Г.В. Н.А. Некрасов в кругу современников. Коломна, 2002. С. 141-142.
- ³⁰ Переписка Н.А. Некрасова. Т. 1. М., 1987. С. 347.
- ³¹ НА РГО. Р. № 34. Д. 15. Л. 16об.-17.
- ³² РО ИРЛИ. Ф. 634. Ед.хр. 5038.
- ³³ Потанин Г.Н. Старое старится, молодое растет // Современник. 1861. № 1-4.
- ³⁴ Потанин Г.Н. Старое старится, молодое растет. Эпизоды из романа // Русское слово. 1864. № 8, 9, 11; 1865. № 4, 7-10.
- ³⁵ М.Е. Салтыков (Н. Щедрин). Собрание сочинений: в 20 т. Т. 18. Кн. 2. М., 1976. С. 43-44.
- ³⁶ Потанин Г.Н. Штатный смотритель // Беседа. 1871. № 9-10.
- ³⁷ Ювачев И.П. Гавриил Никитич Потанин // Исторический вестник. 1911. № 5. С. 525.
- ³⁸ Бирюкова А.Б. Повседневная жизнь поволжских городов первой половины XIX века (По архивным и опубликованным источникам) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2009. Т. 10. С. 178-186.
- ³⁹ Бирюкова А.Б. Социокультурное пространство и повседневная жизнь поволжских городов первой

половины XIX века (историографический аспект) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2009. № 1 (2). С. 15-30.

⁴⁰ Смирнов Ю.Н. Устная история «молчаливого большинства»: основные вехи прошлого Самары в представлениях купцов и мещан середины XIX века // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2013. Т. 15. № 5-1. С. 220-228.

⁴¹ ОРРК НБЛ КПФУ. Е.х. 213. Л. 214.

⁴² Смирнов Ю.Н. Новые материалы для изучения создания и содержания «Истории Оренбургской» П.И. Рычкова – выдающегося памятника русской исторической мысли XVIII века // *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского*. 2012. № 27. С. 979-983.

⁴³ Якунин В.В. История Самарской епархии: историография проблемы // *Карельский научный журнал*. 2014. № 3. С. 16.

⁴⁴ НА РГО. Р. №34. Д. 19. Л. 10об.-11.

⁴⁵ Смирнов Ю.Н. Современные подходы к истории восстания 1773-1775 гг. // *Вестник Самарского государственного университета*. 2007. № 5-3. С. 161-162.

⁴⁶ Артамонова Л.М. Рукописи Г.Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» - замечательные памятники «локальной» истории середины XIX века // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2013. Т. 15. № 5-1. С. 236.

⁴⁷ Майорова А.С. Общественно-культурная среда уездных городов Саратовской губернии: города-крепости в конце XVIII - первой половине XIX века // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2012. Т. 12. № 4. С. 28.